

В РИТМЕ ШОЛОХОВСКИХ СТРОК

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД СТРАНИЦАМИ АЛЬБОМА

Есть имена в мировой литературе, которые несут в себе целый мир. Мы произносим — Шолохов, и перед мысленным взором нашим расплывается широкая — края не видно — степь, хмуро, по-осеннему или по-весеннему звонко несет свои воды батюшка Дон. И люди, живущие и жившие по его берегам, неповторимые, ломанные судьбой и творившие судьбу. И время, уходящее могучими корнями в толщу истории, возносящее молодые, сильные ростки в будущее.

Этот мир приходит к нам из книг Шолохова и остается в нас, занимая свое особое место в нашем культурном, историческом сознании.

Но существует еще и реальный мир самого Шолохова — тот, что видел он, выходя на высокий берег. Люди, окружавшие его, события, участником которых он был, прошедшее, наследником которого он ощущал себя... Мы читаем на обложке книги-альбома «Шолохов», и нам открывается именно этот, реальный его мир. «Жизнь. Творчество. Воспоминания. Фотографии. Документы» — так определено содержание книги. И все-таки прежде всего — жизнь. Ничего застывшего, отстраненного или даже затуманенного скорбью недавней еще утраты тут нет. Книга начинается шолоховской «улыбкой», смехом его, разительным, живым, и держится до последнего листа обаянием его мудрости и силой бессмертного его труда.

В какой-то степени это книга-гипотеза, ведь мы словно глянули на жизнь глазами самого Шолохова! В замысле составителя Эвелины Софроновой есть смелость фантазии, но она опирается и на огромную работу по изучению, отбору, сопоставлению материала и, конечно, на огромную любовь к Шолохову и его героям.

Взгляд Шолохова... Вот он сидит, задумавшись, уже у последнего порога своего, и нам

словно открываются картины, что, может быть, вспомнились ему: седые плети ковыля в изумрудной траве, тяжкие комья пахоты, кони на весеннем лугу, замерзший в ледяном сне Дон и, наконец, выжженный, суровый клочок степи. «Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-солёный запах, жуёт шелковистыми губами и ржёт, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казацкую славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казацкая, не ржавеющей кровью политая, степь!».

Так, в точном ритме шолоховских строк и разворачивается эта книга-альбом, где чередой проходят страницы истории, дивные казацкие песни, строгие абзацы документов, взволнованные слова современников; и фотографии — редкостные, документальные и чудные — глаз не оторвать! — картины природы.

Авторы не боятся мозаичности такого построения. В обилии изобразительной информации есть своя строгая логика обобщающей мысли. И радостно видеть, как отрывок из воспоминания или биографическая подробность, неброское фото через несколько страниц вдруг находят свое место в разворачивающемся полотне жизни — не Шолохова даже, а народа, бытия самой истории. В том и видится сила, новизна такого издания, что через Шолохова, благодаря ему мы предметно ощущаем эпоху величайших исторических преобразований.

Шолохов никогда не был летописцем: при всей мощи своего реализма он всегда яростно вторгался в жизнь. Так и книга эта не беспристрастна, в ней вовсе нет альбомной безмятежности. Просторы донского края контрастно сменяются плакатной броскостью листов, посвященных революции, а затем Великой

Отечественной войне. И еще одна особенность — здесь нет комментария. Изображение и слово сосуществуют, не иллюстрируют, а дополняют друг друга. Можно бы сказать, что принцип подачи тут избран кинематографический, но, как видно, у книги есть и свои средства выразительной динамики. Историческая канва вообще тут очень лаконична, потому что всюду документ, фотография говорят сами за себя, часто без подписи, давая работу воображению читателя. Каких шолоховских героев узнает он в этих безымянных казаках и казачках? Какую связь почует между этой страницей старинного фолианта или строчкой героической исторической песни и врезавшимся в память шолоховским образом? Необходимость самому разобраться в сплетении фактов, имен, дат, возможность творчества приобщают к поиску, к постижению этого бескрайнего мира — мира Шолохова.

Писатель очень скупко говорил о своей работе, я это знаю по многим встречам с ним. Бережно, по крупицам собраны его слова. Но, погружаясь в стихию факта, мы как бы присутствуем здесь в миг творчества — конечно, не целого, но отдельных строк, образов, картин. И один за другим мы словно кладем рядом с собой созданные Шолоховым шедевры: «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека»...

Удивительная гармония царит в этой книге. Строгая, лаконичная графика оформления Александра Быкова очень целомудренна при всей ее нетрадиционности. Художник выступил здесь как настоящий соавтор издания. Поэтичны и образны фотоработы Алексея Маслова.

И оттого, открыв книгу, начиная с выверенного в чувстве и мысли вступительного слова о Шолохове Анатолия Софронова, мы будем листать ее медленно, страница за страницей, вглядываясь в лица, ачитываясь в знакомые строки, и все предстанет для нас как бы иным, новым светом освещенное, углубленное новым знанием. Страница за страницей пройдем мы вслед за Шолоховым по жизни и почувствуем еще раз, что это и наша жизнь — наша история, наша слава.

Так рассказ о художнике становится рассказом о времени. И речь идет не о литературе — книга учит любить свою землю, как любил ее Шолохов. Защищать ее, как Шолохов. Трудиться на ней, как Шолохов.

Иван СТАДНЮК.

● Станица Вешенская.

● М. А. Шолохов.

● Стол писателя.

Фотографии из альбома.

* Шолохов. Фотоальбом. Автор вступительной статьи А. Софронов. Автор-составитель Э. Софронова. Фотографии А. Маслова. Автор макета и оформления А. Быков. М., «Планета», 1985.

